

ГАНС ЛИХТ

СЕКСУАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Ганс Ганс Лихт

**Сексуальная жизнь
в Древней Греции**

«Центрполиграф»

Ганс Лихт Г. Л.

Сексуальная жизнь в Древней Греции / Г. Л. Ганс Лихт —
«Центрполиграф»,

В книге исследуется мораль, нравственные принципы и взаимоотношения полов в Древней Греции. На основе сведений многочисленных авторов воссоздается общая картина жизни древних греков – философия и искусство, брачные обряды и семейные устои, участие в атлетических состязаниях, праздниках, театральных представлениях, конкурсах красоты. Подробно описываются религиозные обряды, суеверия, магические заклинания и другие проявления культуры эллинов.

© Ганс Лихт Г. Л.

© Центрполиграф

Содержание

Принятые в тексте сокращения	5
Введение	6
Жизненные идеалы греков	6
Всемогущая роль чувственности в жизни греков	8
Часть первая	14
Глава I	14
1. Греческая женщина	14
2. Свадебные обряды	24
3. Дополнительные сведения	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ганс Лихт

Сексуальная жизнь в Древней Греции

Принятые в тексте сокращения

Ант. Пал.: «Палатинская антология» (см. с. 259 сл.)
Аф. – Афиней из Навкратиса, «Пирующие софисты», XV книг
Брандт – Амores: Комментарий к «Любовным элегиям» Овидия
Брандт– Арс.: Комментарий к «Наукам любви» Овидия
ФАК – Фрагменты античной комедии
КАН – Корпус аттических надписей
КГрН – Корпус греческих надписей
КЛН – Корпус латинских надписей
ФГИ – Фрагменты греческих историков
ПЛГ – Греческие лирические поэты
ФГТ – Фрагменты греческих трагиков

Введение

Жизненные идеалы греков

Хотя юность греки всегда считали самой большой ценностью, а ее утех, в первую очередь любовные, почитались ими за великое благо, были и другие представления об идеалах, которые нельзя оставить без внимания. У Гомера Нестор, обращаясь к Афине, растаявшей в безоблачном небе, говорит: «Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу / Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной» (Одиссея, iii, 380).

Можно сказать, что в этих словах отражаются нравственные идеалы греков. Упоминание о детях и жене свидетельствует о том, что для грека жизнь состоит не только из войны и мира, участия в атлетических состязаниях, – большую ее часть занимает семья.

Как говорит Пиндар, первое, к чему следует стремиться, – это счастье, второе – безупречная репутация; человек, соединивший в себе оба эти качества, достоин высочайшей похвалы.

Естественно, наряду с нравственными устоями греку надлежало стремиться и к материальному благосостоянию, о котором он также просит богов. Насколько мне известно, Феогнид отдал предпочтение здоровью, а затем – обладанию тем, что каждый любит. Это самый заветный идеал греков, и, как передает Аристотель, такое пожелание было даже начертано у входа в святилище Лето в Дельфах.

Намеренная неопределенность слов Феогнида – «получить то, что любишь», – заставила человека, так хорошо знавшего историю греческой культуры, И. Буркхарда в труде «История культуры Древней Греции» высказать сомнение: «Не совсем ясно, что здесь имеет в виду поэт: любовные отношения или просто пожелание достижения какой-либо цели». Такой известный ученый, посвятивший целые тома греческой культуре, как Буркхард, не мог не знать, что греки наряду с любовными отношениями между мужчиной и женщиной практиковали и однополую любовь (гомосексуальную). Поэтому Феогнид выражается столь расплывчато, но вполне понятно для посвященных и знатоков греческой культуры, когда желает каждому из своих читателей то, что для него приятно и к чему он стремится сам. Из главы о гомосексуальных отношениях в древнегреческой литературе будет понятно, что в этих словах Феогнида выражен его юношеский идеал и всю жизнь его влекло к мальчикам.

Истинность объяснения этого отрывка из Феогнида можно подтвердить, сравнивая его со стихотворением знаменитой Сапфо:

АНАКТОРИИ

На земле на черной всего прекрасней
Те считают конницу, те пехоту,
Те – суда. По-моему ж, то прекрасно,
Что кому любо.
Это все для каждого сделать ясным
Очень просто. Вот, например, Елена:
Мало ль видеть ей довелось красавцев?
Всех же милее
Стал ей муж, позором покрывший Троя.
И отца, и мать, и дитя родное —
Всех она забыла, подпавши сердцем
Чарам Киприды,

...согнуть нетрудно...
...приходит
Нынче все далекая мне на память Анактория.
Девы поступь милая, блеском взоров
Озаренный лик мне дороже всяких
Колесниц лидийских и конеборцев,
В бронях блестящих.
Знаю я – случиться того не может
Средь людей, но все же с молитвой жаркой...¹

Анактория, очевидно, пребывала в Лидии. Можно заметить (в четвертой строке оригинала), что выражение также намеренно затемнено, однако означает следующее: то ли женщина страстно желает женщину, то ли мужчина – женщину, то ли мужчина – мальчика.

Однако несомненно, что красота и любовь воплощают те радости жизни, к которым стремится грек, и представляют идеал для поэтов. Эта мысль присутствует на каждой странице произведения древнегреческого автора, однако, может быть, достаточно процитировать короткую песенку, которую греки, несомненно, распевали под воздействием вина, еще более усиливавшего радостное восприятие жизни: «Самое ценное для смертного – здоровье; затем – красота; еще – достойное богатство; и молодость среди друзей».

Светлая радость жизни была определена уже Солоном, знаменитым мудрецом, государственным деятелем и поэтом, как то, к чему следует стремиться, и другие великие умы (такие, как Пиндар, Бакхилид и Симонид) с ним в этом целиком согласны. И в самом деле, греческая культура – это всецело и исключительно – прославление Гедоне (hedone – наслаждение (греч.)), то есть веселья и радости жизни, и в первую очередь любовных утех. Сокровенная природа греков – обнаженная чувственность, которая редко становится злодейством – как в случае с римлянами, но бросает ответ на всю их общественную жизнь, поскольку признание этой чувственности или ее выражение не скованы строгими государственными нормами или не осуждаются общественным мнением. То, что это – не преувеличение, будет ясно из данной книги, в которой говорится, что вся жизнь греков (а не только их частная жизнь) проходит под знаком торжествующей чувственности. Поэтому, за некоторыми редкими исключениями, великие мыслители Древней Греции также признавали право чувственных удовольствий; более того, объявляли их непременным условием человеческого счастья. Лишь в преклонном возрасте Софокл (*Платон. Государство*, i, 329c) утверждал ставшую известной истину, что старость уже тем хороша, что освобождает от рабства чувственных удовольствий; как мы увидим позже, в молодости представления великого поэта об этом предмете существенно отличались.

Афиней, который приводит это изречение старого Софокла, затем подкрепляет его мнением Эмпедокла, в соответствии с которым человечество когда-то не знало никакой богини, кроме богини любви, в честь которой устраивались празднества.

¹ Пер. В. Вересаева.

Всемогущая роль чувственности в жизни греков

Сами боги, по представлениям гомеровского эпоса, подвержены желаниям чувственных удовольствий. Чтобы помочь грекам в их отчаянной борьбе, Гера решает, очаровав своего мужа Зевса, обольстить его. Она тщательно наряжается и украшает себя, и Гомер подробно, в деталях, описывает это (Илиада, xiv, 153), однако, не довольная результатом, она обращается к Афродите, «коварствуя сердцем»: «Дай мне любви, Афродита, дай мне сладких желаний / Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных». Афродита подчиняется царице небес и отдает ей узорчатый пояс, в котором заключались и любовь, и желания, шепот любви, изъяснения и лстивые речи, «не раз уловлявшие ум и разумных». Затем царственная богиня обращается к богу сна Гипнозу, которого уговаривает укачать Зевса и ввергнуть его в сладкий сон после любовных утех, чтобы она без помех смогла помочь грекам в их сражении с троянцами. Гипноз, опасаясь последствий задуманного, поначалу отказывается, пока богиня клятвенно не обещает ему в награду любовь одной из граций. Он сопровождает Геру на гору Ида, с вершины которой Зевс наблюдает за сражением между греками и троянцами. Гипноз превращается в птичку, поющую на ветках ели, и дожидается конца любовной сцены между Зевсом и Герой, описанию которой Гомер посвящает более шестидесяти строк.

Гера придумывает различные объяснения, почему она так себя украсила, и притворно оправдывается предстоящим ей важным путешествием, тем самым распаляя желания бога, который не может устоять перед ее красотой. Зевс сознается, что никогда еще не был так взволнован ни одной женщиной, как сейчас при взгляде на нее, и для удовольствия своей супруги (!) подробно перечисляет всех женщин, которые наслаждались в его объятиях, – вещь немислимая ни в одной литературе.

На его предложение доказать ей свою любовь тут же на месте Гера возражает, что их могут увидеть другие боги, и предлагает перенестись в их опочивальню на Олимпе, где она исполнит все его желания.

Зевс отвечает: «Гера, супруга, ни бог, на меня положися, ни смертный нас не увидит: такое облако я над тобой подвешу златое, сквозь него никто не проглянет, даже и самое солнце». Сын Кроноса заключил супругу в объятия, тотчас под ними проросли весенние травы, росистый лотос, шафран, крокус и душистые цветы гиацинта и подняли их высоко над землей.

Рек – и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Там опочили они, и одел почивающих облак
Пышный златой, из которого капала светлая влага.
Так беззаботно, любовью и сном побежденный Кронион
Спал на вершине Идеической в объятиях Геры супруги².

Эта сцена в четырнадцатой книге «Илиады» – гимн всепобеждающей чувственности, которую невозможно обнаружить ни в какой другой литературе в смысле поэтической выразительности и очевидной наивности, хотя, пожалуй, еще «Одиссея» знает уникальный пример прославления этой неодолимой силы красоты. Я имею в виду сцену из восьмой книги «Одиссеи», в которой Афродита наставляет рога мужу, хромому уродливому Гефесту, соединяясь с красавцем Аресом, богом войны, в самом расцвете его молодости, ради запретной, но от этого только еще более сладостной любви. Однако обманутый супруг, вместо того чтобы болезненно переживать поражение, призывает всех богов в свидетели пикантного зрелища: обнаженные любовники сплелись в объятиях перед взорами довольных зрителей. Описание этой любовной

² Пер. Н.И. Гнедича.

сцены Гомер заключает следующими словами: «К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:

«Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестносец.
Искренне мне отвечай, согласился бы ты под такую
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»

и тот отвечает:

«Если б могло то случиться, сетью тройной бы себя
я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой». —
Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный».

Как видим, здесь нет ни слова обвинения или нравственного осуждения; только шутки и веселье вызывает у бессмертных богов эта пародийная сцена супружеской неверности богини любви. Вся эта любовная сцена – прославление открытой незамаскированной чувственности и безжалостный приговор тому, что называется «грехом» с точки зрения торжествующей ложной морали.

Афиней обращает внимание на то обстоятельство, что в соответствии с замечанием Теофраста никто не называет счастливым доблестного Аристида, но называют счастливыми жителя Сибариса Сминдурида и Сарданапала³.

Гераклид Понтийский, ученик Платона и сам знаменитый философ, написал произведение «Об удовольствиях», многие отрывки из которого сохранились до наших дней. Там, например, он утверждает, что роскошь, и особенно сладострастие, – это право, признаваемое за правящим классом, в то время как тяжкий труд выпадает на долю рабов и бедняков; и что те, кто прославляет роскошь и праздность, – люди широкого ума и, следовательно, достойны большего уважения, чем остальные. Это можно видеть и на примере жителей Афин, которые, вопреки – или скорее благодаря – своей приверженности к чувственным удовольствиям, стали героями, победившими при Марафоне.

Под такими утверждениями нельзя подписаться безоговорочно; важно только в этой связи отметить эти высказывания на право проявления чувственности как очень значимые в общественном мнении. Великий поэт Симонид открыто вопрошал: «Может ли жизнь людей быть счастливой без чувственных наслаждений? Разве даже блаженные боги могут без них обходиться?» И действительно, историк Мегаклеид обвиняет поэтов в том, что они слишком много внимания уделяют трудностям и лишениям, описывая земные подвиги греческого национального героя Геракла. Он бы охотнее указал на то, что Геракл, живя среди людей, находил огромное удовольствие в чувственных наслаждениях, был женат на многих женщинах и многие девушки забеременели от него. Не упомянуты его отношения с юношами – Иолоем, Гилаем, Адметом и другими⁴. Далее Гераклид напоминает нам, что в земной своей жизни Геракл предавался наслаждениям чревоугодия; что теплые источники по всей Греции назывались Геракловыми банями, что особенно мягкие и роскошные ложа называют Геракловыми. Что же, спрашивает он, послужило этому основанием, если Геракл в жизни пренебрегал негой и сладострастием? Дурной вкус у некоторых поэтов, следующих Гомеру и Гесиоду, представ-

³ Сминдурид славился в античные времена своей любовью к роскоши. Во времена Афиней жители города Сибариса в южной Италии были известны своим обжорством и любовью к возлияниям. Сарданапал, последний царь Ассирии, был настоящим развратником.

⁴ Греческая мифология приводит имена четырнадцати его любовников.

лять Геракла – этого гурмана и любителя наслаждений – так, будто всю свою жизнь он только и делал, что носил стрелы, палицу и львиную шкуру⁵.

В двенадцатой книге «Пирующих софистов» Афиней приводит подробное описание роскоши и чувственных удовольствий в античности. После некоторых теоретических рассуждений о праздности и разврате разных народов, начиная с персов, он обсуждает отдельных личностей древности, знакомя нас с тем, как каждый из них заполнял жизнь роскошью и удовольствиями; затем он приводит впечатляющий список персонажей греческой истории, которые отмечены особым сладострастием. Интересно, что среди них немало тех, кого мы знаем как военных полководцев, государственных мужей и героев Греции. Подробнее мы остановимся на этом позднее; здесь мы можем упомянуть некоторые вещи, особенно характерные для греческого восприятия чувственности.

Как повествует Гераклид, у персидского царя был гарем из трехсот наложниц. «Днем они спали, а ночью могли быть разбужены огнями, пением и музыкой и проводили время с царем. Эти наложницы также сопровождали его на охоте».

О лидийцах Ксанф рассказывает, что у них в обычае было кастрировать не только юношей, но и девушек, чтобы использовать их в качестве евнухов во дворцах знати.

Как утверждает Тимей, среди тирренцев был обычай, когда служанки должны были дожидаться, пока мужчины разденутся догола. Это подтверждает и Феопомп (Аф., xii, 517д; ФГИ, i, 315), который добавляет: «Среди тирренцев существовал закон, по которому женщины являются общей собственностью. Они тщательно ухаживали за своим телом и часто соревновались в гимназиях с мужчинами и между собой; они не считали за стыд показываться обнаженными. Они не участвовали в трапезе вместе с мужьями, но садились за стол с любым мужчиной, кто оказывался рядом, и пили с теми, кто им нравился; они были весьма пристрастны к вину и очень красивы. Тирренцы сообща воспитывали родившихся детей, зачастую не зная, кто их отец. Когда те подрастали, они вели тот же образ жизни, как и их воспитатели, часто устраивая попойки и имея связи со всеми женщинами, которых они встречали. У тирренцев не считалось запретным иметь дело с мальчиками открыто, будучи активной или пассивной стороной, поскольку педерастия была в обычае этой страны. Отношения полов столь мало стесняли их, что, когда хозяин дома наслаждался обществом своей жены, а в это время кто-либо его спрашивал, они очень спокойно отвечали, что он сейчас занят тем-то и тем-то, называя каждую непристойность своим именем.

Находясь в компании друзей или родственников, они обычно ведут себя следующим образом. Покончив с напитками, они отправляются в постель, а слуги приводят им куртизанок, или красивых мальчиков, или женщин, оставляя светильники непогашенными. Когда они пресыщаются наслаждениями, они призывают молодых мужчин в самом расцвете лет и также заставляют их испытывать удовольствие с этими куртизанками, мальчиками или женщинами. Иногда они наблюдают друг за другом, отдавая дань уважения любви и соитию, но чаще опускают занавес, прикрепленный к ложу. Они очень любят общество женщин, но большее удовольствие испытывают в компании мальчиков и юношей. Они очень красивы, поскольку тщательно следят за собой и удаляют все лишние волосы на своем теле. У тирренцев много лавок, где удаляют волосы, и хорошо обученный персонал, как в наших цирюльнях. Люди заходят в эти лавки и позволяют удалять волосы с любой части тела, совсем не заботясь о том, что они открыты взорам прохожих»⁶. Афиней утверждает, что жители Сибариса первыми ввели горя-

⁵ Почтенный Мегаклеид, возможно, был не столь далек от истины; во всяком случае, в комедии Геракл сплошь и рядом оказывается типичным любителем наслаждений, который стремится ко всякого рода удовольствиям. Старейшим поэтом, который описывал его только как страдальца, был Стесихор.

⁶ Для понимания этого отрывка следует учитывать, что лавки в античности, даже еще и сегодня, как часто на юге, выходили на улицу. Здесь описывается процесс депиляции, то есть удаления лишних волос. Стоит заметить, что речь здесь идет не столько о волосах в интимных местах (что у женщин считалось уродливым, но придавало особый шарм мужчинам), а скорее

чие бани. На попойках они использовали ночные горшки, неприглядное новшество, которое, в соответствии с Евполидом, Алкивиад перенес в Афины.

О роскоши жителей знаменитого Тарента на юге Италии Клеарх сообщает, что «они удаляли все волосы на своем теле и выходили в прозрачных, окаймленных пурпуром накидках. После того как они разрушили город Карбину в Апулии, они сволокли всех мальчиков, девочек и молодых женщин в храмы и выставили их обнаженными на взоры посетителей. Все желающие могли наброситься на эту несчастную толпу и удовлетворить свою похоть, употребив эту красоту на глазах у всех и конечно же перед взорами богов, чего те менее всего ожидали. Однако боги послали наказание за это преступление, поскольку вскоре все эти развратники были убиты ударом молнии. И по сей день каждый дом в Таренте имеет столько мемориальных камней перед входом, сколько умерших *сюда приходило*, и, когда наступает очередная дата их кончины, люди не оплакивают мертвых, не воздают им обычных почестей, но приносят жертву Зевсу Катайбату (Зевс, который нисходит на землю с громом и молнией)».

Город Массалия (то есть Марсель), в соответствии со свидетельством нескольких очевидцев, был одним из главных оплотов гомосексуализма, откуда и пошло выражение «Корабль в Марсель!».

То, о чем нам рассказывает Афиней относительно жителей Колофона в Малой Азии, интересно, хотя, возможно, и не следует понимать это буквально: будто многие из них никогда не наблюдали восхода или заката, поскольку на восходе они все еще пьяны, а на закате пьянствуют снова. Согласно закону, который существует и в его время, передает тот же автор, флейтистам, танцовщицам и другим дамам полусвета следует платить с утра до полудня, а после этого – «пока горят светильники», поскольку в остальное время суток все пьяны.

Мы также приведем несколько примеров роскоши некоторых заметных персон в античной истории. Первая – эпитафия, написанная гекзаметром самому себе ассирийским царем Сарданапалом, если можно положиться на свидетельство Аминтата: «Я был царем с тех пор, как увидел свет; я ел, пил и отдавал должное радостям любви, зная, что жизнь человеческая коротка и может измениться и стать несчастной, и другие воспользуются тем, что я оставляю после себя. Поэтому я каждый день жил как жил».

Аристобулу также известен памятник Сарданапалу в Анхиаде, одном из завоеванных им городов; правой рукой царь как будто хочет схватить что-то бесценное. Ассирийская надпись гласила: «Сарданапал, сын Анасиндаракса, который завоевал Анхиаде и Тарс в один день. Ешь! Пей! Люби! Все остальное – ничто». Такой смысл, кажется, имеет этот жест.

Клеарх рассказал несколько замечательных историй о Сагариде, изнеженном жителе вифинского народа мари-андинов: из-за своей изнеженности он ничего не ел до старости, пока его нянька не разжует ему пищу, так чтобы самому не утруждаться. Он был настолько ленив, что мог дотянуться только до своего пупка. Поэтому Аристотель, издеваясь над тем, что, обмываясь, тот не мог дотянуться до своего члена, цитировал стих Еврипида: «Рука чиста, но мысль грязна».

Оратор Лисий рассказывает такую историю об Алкивиаде. Однажды тот путешествовал со своим другом Аксиохом по Геллеспонту.

В Абидосе они взяли в сожительницы девицу по имени Медонита и жили с ней по очереди. После этого она родила дочь, о которой они сказали, что ее отец неизвестен. Когда дочь выросла, они стали жить и с нею. Когда она была в постели с Алкивиадом, он говорил, что ее отец Аксиох, а когда она была с Аксиохом, тот говорил, что она – дочь Алкивиада.

В комедии Алкивиада часто подвергали насмешкам за его многочисленные любовные похождения, о которых говорили афиняне. Не без причины этот юноша, красота которого восхищала всех, носил на руке изображение молнии. Диоген Лаэртский сказал об Алкивиаде, что,

«будучи юношей, он разлучал мужей с женами, а позже – жен с мужьями», также и комедиограф Ферекрат говорит: «Алкивиад, который раньше не был мужем, теперь муж всех женщин»⁷.

В Спарте он вступил в связь с Тимеей, женой царя Агида, что сам, если верить Афиней, объяснял не похотью, но политическими соображениями. Тот же автор утверждает, что во всех походах его сопровождали две самые известные куртизанки того времени.

Историк Клеарх в его «Биографиях» писал о тиране Сицилии Дионисии Младшем: «Когда Дионисий прибыл в свой родной город Локры, он построил самый большой дом в городе, заполнил его диким тимьяном и розами, велел привести одну за другой всех молодых женщин Локр, сорвал одежды с них и с себя и катался с ними по ложу, совершая любые непотребства, которые можно было вообразить. После этого, когда оскорбленные отцы и мужья захватили жену и детей Дионисия, они заставили их совершать непристойности на глазах у всех и предались всем мыслимым видам разврата. После того как они удовлетворили свои желания, они загоняли им иглы под ногти, пока те не умерли». Страбон с некоторыми изменениями рассказывает ту же историю, добавляя, что Дионисий пустил голубей, соединив им крылья, по трапезной, где их должны были ловить обнаженные девушки, коих он обул в непарные сандалии на одну ногу. Дурид поведал о развратности Деметрия Фалернского, бывшего правителем Афин долгие годы, упомянув о роскоши и попойках, которые тот устраивал: «О его тайных оргиях с женщинами и ночных свиданиях с юношами; человек, который давал людям законы и действовал как гарант их жизней, дал себе полную волю. Он также очень гордился своей внешностью, красил волосы, чтобы стать блондином, и белил лицо. Он желал быть красивым и привлекательным для каждого встречного».

Удовольствия как смысл истинной жизни, которые единственно составляют счастье, стали девизом целой философской школы. Она была основана Аристиппом, который, по свидетельству Афиней, украшал свою жизнь «роскошными одеждами и любовными утехами». Его любовницей была знаменитая куртизанка Лаида.

Особой важности идеи о восприятии греками чувственных удовольствий были вложены в уста Полиарха, в произведении мудреца и музыканта Аристоксена «Жизнь Архита». Этот Архит был известен своим пристрастием к роскоши и был одним из послов Дионисия Младшего в Таренте. В разговоре с Архитом и его учениками была затронута тема чувственных радостей в широком смысле слова. Полиарх произнес большую речь, в которой хотел доказать, что все учение этической философии о доблести противоречит человеческой природе; что сама Природа требует, чтобы мы сделали удовольствие максимой жизни. Чувственное удовольствие является целью всякого разумного человека, и подавлять желания – неразумно и не приносит счастья, но лишь показывает, что человек, действующий таким образом, не знает человеческой природы и ее потребностей. Поэтому очень мудро поступают персы, которые награждают всякого придумавшего новый вид удовольствий. Единственной причиной, по которой персы завоевали у мидян их государство, было то, что, обладая могуществом и огромными богатствами, те не могли уже делать ничего другого, как все больше погружаться в мир чувственных удовольствий.

Хотя причина, приведенная Полиархом, естественно, преувеличена, следует допустить, что она содержит зерно истины, как это видно из наших вводных замечаний. Во всяком случае, теперь читатель в достаточной мере познакомится с греческим поклонением Гедоне (чувственному удовольствию), чтобы оценить в последующих главах наиболее важные особенности греческой культуры с этой точки зрения. Он познакомится с людьми, которые, как никто другой, сделали чувственность основой жизни, но которые в то же время знали, как соединить чув-

⁷ Светоний передает (Юлий Цезарь, 52), что Курион то же самое говорил о Цезаре.

ственность с высокой этикой и, следовательно, создать культуру, которой человечество будет восхищаться до конца своего существования.

Часть первая

Глава I Замужество и жизнь женщин

1. Греческая женщина

Сегодня едва ли можно согласиться с часто высказываемым утверждением, будто положение замужней женщины в Древней Греции было недостойным. Это совершенно неверно. Ошибочность этого суждения заключается в извращенной оценке женщин. Греки были плохими политиками в своей короткой истории, но восхитительными творцами жизни. Поэтому женщине они предписывали ограничения, которые отвела ей природа. Утверждение о том, что существуют два типа женщин – мать и любовница, – было усвоено греками на заре их цивилизации, в соответствии с ним они и действовали. О последнем типе мы поговорим позже, но не меньшую дань уважения следует отдать и женщине-матери. Когда греческая женщина становилась матерью, она обретала смысл жизни. Перед ней стояли две задачи, которые она считала первостепенными, – вести домашнее хозяйство и воспитывать детей, девочек – до замужества, а мальчиков – до той поры, пока они не начинали осознавать духовные потребности личности. Таким образом, брак означал для грека начало восхождения к итогу жизни, возможность познакомиться с новым поколением, а также способ организовать свою жизнь и свое хозяйство. Царство женщин включало полный контроль над домашними делами, в которых она была полновластной хозяйкой. Если угодно, назовите такое замужество скучным; в самом деле, так оно и было, если судить по той роли, какую играет современная женщина в общественной жизни. С другой стороны – оно было свободно от фальши и неестественности, присущих современному обществу. Не случайно в греческом языке нет эквивалентов таким нашим понятиям, как «флирт» и «кокетство».

Современный мужчина, возможно, спросит, не охватывало ли греческих женщин чувство отчаяния и обреченности при таком положении дел. Ответ будет отрицательным. Не следует забывать, что нельзя тосковать по тому, чего у тебя никогда не было; следовательно, хотя жизнь греческих женщин была ограничена строгими рамками (но от этого не ставшая менее благородной), они относились к своим обязанностям по дому настолько серьезно, что у них попросту не было времени предаваться посторонним мыслям.

Нелепость утверждений о недостаточно высоком положении греческой женщины убедительно подтверждается тем фактом, что в самых древних литературных сценах супружеской жизни женщина описывается в столь очаровательной манере и с такой нежностью, какую трудно себе вообразить. Где еще во всей мировой литературе расставание мужа и жены описано с таким пронзительным чувством, как в «Илиаде», в сцене прощания Гектора с Андромахой:

Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (через них был выход из города
в поле);
Там Андромаха супруга, бегущая, встречу предстала,
Отросль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;
Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликийн властитель

державный;

Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.

Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц

Сына у персей держала, бессловесного вовсе, младенца,

Плод их единый, прелестный, подобный звезде
лучезарной.

Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —

Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.

Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.

Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;

Руку пожала ему и такие слова говорила:

«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! Ни сына

Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро

Буду вдовой я, несчастная! Скоро тебя аргивяне,

Вместе напавши, убьют! А тобою покинутой, Гектор,

Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,

Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —

Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!

Старца отца моего умертвил Ахиллес быstroногий

В день, как и град разорил киликийских народов
цветущий,

Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,

Но не смел обнажить: устрашался нечестия сердцем;

Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.

Создал над прахом могилу; и окрест могилы той улымы

Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.

Братья мои однокровные – семь оставалось их в доме —

Все и в единый день преселились в обитель Аида:

Всех злополучных избил Ахиллес, быstroногий

ристатель,

В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.

Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,

Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами
брани,

Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;

Феба ж и мать мою поразила в отеческом доме!

Гектор, ты все мне теперь – и отец, и любезная мать,

Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой

прекрасный!

Сжалься же ты надо мною и с нами останься на башне,

Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;

Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче

Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:

Трижды туда приступая, наград покушались герои,

Оба Аякса могучие, Идомей знаменитый,

Оба Атрея сыны и Тидит, дерзновеннейший воин.

Верно о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый

Или, быть может, самих устремляла их вешнее сердце».

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:

«Все и меня то, супруга, не меньше тревожит;
но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной
троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и
храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,

Сколько твое, о супруга! Тебя меднолатный ахеец,
Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперея,
С ропотом горьким в душе; но заставит великая нужда!
Льющую слезы, тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев Троян, как сражались вокруг Илиона!
Скажет – и в сердце твоём возбудит он новую горечь:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы
от рабства!
Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
Прежде, чем тлен твой увижу и жалобный вопль твой
услышу!»
Рек – и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрася любезного отчего вида,
Яркой медью испуган и гребнем косматовласатым,
Видя ужасный его закачавшийся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
На земь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги! О, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди
граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!»
Рек – и супруге возлюбленной на руки он полагает

Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
«Добрая! Сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет
он родится.
Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война – мужей озаботит
Всех, – наиболее ж меня, – в Илионе священном
рожденных».
Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая⁸.

Разве можно подумать о женщине, которую столь трогательно изобразил Гомер в сцене расставания, как о существе несчастном и прозябающем? Если кому-то недостаточно этого примера, пусть еще раз перечтет в «Одиссее» отрывки, посвященные его жене Пенелопе. Как верно ждала она его, отсутствующего столько томительных лет! Как огорчена она, обнаружив свою беззащитность перед лицом грубых, разнузданных и буйных женихов. Исполненная достоинства, царица с головы до пят, с оскорбленной женской гордостью в результате поведения поклонников, она появляется в их разгульном обществе, ставя их на место речами, которые только может придумать истинная женщина. Как удивлена она переменами в своем сыне Телемахе, который из мальчика превратился в юношу, удивлена и послушна, когда он говорит ей: «Удались, занимайся, как должно, порядком хозяйства, пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе были своей: говорить же – не женское дело, а дело мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель»⁹.

Разве мог бы Гомер создать столь очаровательную идиллию, как в сцене с Навсикаей, если бы греческая девушка чувствовала себя несчастной, выполняя обязанности по дому? Можно ограничиться только этими сценами, поскольку читатели этой книги, видимо, знакомы с поэмами Гомера и сами припомнят сцены, описывающие жизнь женщин, с тем чтобы правильно представить себе положение замужней женщины в Древней Греции. Аристотель обращает внимание на то обстоятельство, что в произведениях Гомера мужчина выкупает невесту у ее родителей, а подарки невесте представляют собой натуральные продукты, в основном скот, и этого с точки зрения современного мужчины, возможно, не следовало делать. При этом мы не должны упускать из виду причины возникновения этого обычая: и древние тевтоны, и евреи считали, что незамужняя девушка – ценное подспорье в домашнем хозяйстве, потерю которого надо возместить семье, забирая ее из родительского дома. И кроме того, многие пассажи из Гомера рассказывают о том, как происходила передача невесты, за которой давали приданое. Критически настроенные люди могут посчитать этот обычай, существующий и поныне, в данной ситуации еще более недостойным, поскольку главная забота родителей – найти дочери мужа любой ценой. Замечательно, что даже у Гомера в случае развода приданое возвращается к отцу или ему должна быть уплачена соответствующая *пена*. Конечно, уже во времена Гомера неверность жены играла большую роль; ведь и Троянская война предположительно была начата из-

⁸ Пер. Н.И. Гнедича.

⁹ Пер. В.А. Жуковского.

за неверности Елены ее мужу Менелая: Елена последовала за красавцем Парисом, сыном фригийского царя, в чужую страну. И Клитемнестра, супруга Агамемнона, пастыря народов, позволила совратить себя Эгисфу во время многолетней разлуки с мужем и с помощью любовника, после притворно страстного приема возвратившегося Агамемнона, зарезала его в ванне, «как быка в стойле». Поэт или – что в данном случае одно и то же – наивное народное восприятие, конечно, достаточно снисходительны, чтобы снять вину адюльтера с этих двух неудачных замужеств и объяснить их страстью, ниспосланной Афродитой, а еще более – следованием року, который тяготеет над домом Танталидов; но это никоим образом не отменяет того обстоятельства, что оба народных вождя, могущественнейшие воины, о чем есть поэтические подтверждения в поэмах Гомера «Илиаде» и «Одиссее», оказались, по общепринятому мнению, обманутыми мужьями. Теперь легко понять, почему тень Агамемнона, убитого коварной женой, жестоко мстит женскому полу. Этот герой открывает список женоненавистников, столь многочисленных в греческой литературе, о чем мы будем говорить дальше.

...она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда оскрамила она, приготовив
Мужу богами ей данную гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям
и ближним —
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведением своим
беспорочных¹⁰.

Менелай воспринимает измену менее трагично. После падения Трои он помирился со своей сбежавшей женой, и в «Одиссее» мы находим его мирно живущим и высокопочитаемым в его родовом царстве Спарты вместе с Еленой, которая не чувствует никаких угрызений совести, рассказывая о «несчастье», посланном ей Афродитой.

«...и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотой»¹¹.

Не только у Гомера, но и у поэтов так называемого киклического эпоса мы находим рассказ о том, как Менелай, после завоевания Трои, хотел рассчитаться за оскорбленную честь и грозил Елене обнаженным мечом. Тогда она раскрыла перед Менелаем «яблоки своей груди» и настолько его очаровала, что он раскаялся, отбросил меч и заключил прекрасную женщину в объятия в знак примирения – милая история, которую так любили повторять поздние авторы – Эврипид и лирический поэт Ивик и которая стала любимым сюжетом вазовой живописи.

Следует иметь в виду, что все рассказы о замужних женщинах во времена Гомера относятся к жизни выдающихся людей, царей или знати, и мы мало знаем о положении женщины

¹⁰ Пер. В.А. Жуковского.

¹¹ Пер. В.А. Жуковского.

низших слоев. Но если принять во внимание, что гомеровский эпос дает нам полную картину жизни и менее знатных людей – земледельцев, пастухов, охотников, скотоводов и рыбаков, – тот факт, что мы не находим здесь упоминания о женщинах, только доказывает, что жизнь женщины была ограничена домом и что уже в те времена к женщине можно было применить фразу, позже сказанную о женщине Периклом: «Та женщина наилучшая, о которой в мужском обществе меньше всего говорят – и плохого и хорошего».

То, о чем повествует беотийский поэт Гесиод в земледельческом календаре, в поэме «Труды и дни» относительно женщин, только подтверждает эту точку зрения. Поэт находит теплые слова для незамужних девушек, которые «все еще остаются в доме на материнской половине и еще неискушенны хитростями украшенной золотом Афродиты». Пока снаружи лютует холодный ветер, ломая высокие дубы и сосны, заставляя страдать от холода стада и пастухов, она в своем жилище, хорошо натопленном, согревает ноги, натирает их маслом, а затем безмятежно засыпает на простынях. Конечно, поэт, будучи сам земледельцем по происхождению, не мог подняться над повседневной действительностью, и его наставление – о том, что сосед может жениться где-то в возрасте тридцати лет, а его избраннице должно быть лет девятнадцать, и она, конечно, должна быть девственницей, – ясно доказывает, что женитьба в то время была делом мало поэтичным. Однако даже такой ограниченный взгляд на женщину в те далекие времена показывает, что и среди людей низшего сословия женитьба не могла восприниматься делом незначительным, иначе Гесиод вряд ли столь эмоционально высказался бы о том, что «умный мужчина пробует все и останавливается на лучшем, чтобы избежать брака, над которым бы злословили его друзья: «Добрая жена – сокровище, а худая – худшая из пыток, которая будет лишь нахлебницей в доме и даже лучшего из мужей разорит и обессилит».

Очень важно, что уже этот наивный простой земледелец весьма тонко подмечает особенности женской природы. Не столь важно, что он приписывает все зло мира женщине, глупой и завистливой Пандоре, которая, будучи дружелюбно принятой Эпимефеем, открыла сосуд и выпустила оттуда все запечатанные там пороки человечества, поскольку здесь поэт следует мифологической традиции. Однако очень важна и примечательна его склонность к морализаторству, поскольку он считает своим долгом предостеречь женщин от тщеславия, высказываясь против соблазнительниц, которые, крутя задом, делают все, чтобы приманить мужчин этой частью тела, которую греки особенно ценили в молодых мужчинах и которую Лукиан осмелился назвать «частями юности». То, что упоминание такого женского приема соблазнения мужа можно найти у простого и наивного поэта, весьма показательно и говорит о том, что во все времена женщины использовали уловки, которые всегда безотказно действуют на мужчин. Гесиод также отмечает, что время года и температура также оказывают влияние на сексуальную жизнь: «Когда зацветает артишок и начинают трещать цикады, поворачивая год к лету, тогда дети самые крепкие, а вино – самое сладкое, женщины – самые сластолюбивые, но мужчины – хилы, поскольку кожа их сохнет от летнего жара», однако, продолжает он, хорошая пища и вино быстро восстановят их крепость.

С течением времени в эллинской культуре на первый план все больше выходил мужской пол, о чем свидетельствует то обстоятельство, что реальное образование было уделом лишь мальчиков. Девочек матери учили элементарным навыкам чтения и письма, а также наиболее необходимым вещам в домашнем хозяйстве – шитью и прядению.

Небольшие познания в области музыки были уже пределом образования девочек; мы ничего не знаем относительно занятий женщин наукой, зато часто слышим о том, что замужней женщине не пристало быть умнее, чем ей полагается, как ясно выразился Ипполит в трагедии Еврипида. Греки были убеждены в том, что место девушек и женщин – на женской половине, где нет нужды быть очень образованной. В те времена общение между мужчинами и женщинами было не принято, однако неверно было бы утверждать, что это было следствием уединенной жизни женщин. Скорее это было убеждение, что разговор с мужчинами, который

афинянам был необходим, как хлеб насущный, невозможен для женщин, учитывая их совершенно иные психологические особенности и совершенно другие интересы, – именно это удерживало женщин в пределах женской половины дома. То, что молодые девушки, особенно перед замужеством, вели уединенную и безрадостную жизнь, возможно, было общим правилом, за исключением, быть может, Спарты. Лишь в отдельных случаях, вероятно на театральных представлениях, в праздничных процессиях или на похоронах можно было увидеть девушек вне дома, и тогда, несомненно, происходило некоторое общение между полами. Так, в очаровательной идиллии Феокрита повествуется о том, как во время праздничной процессии в гроте Артемиды, где «среди множества других животных» была даже львица, девушка увидела прекрасного Дафниса и тотчас в него влюбилась.

Замужество давало женщине гораздо большую свободу передвижения, но дом все так же оставался всецело в ее ведении. Эта максима, которую Еврипид облек в слова «[Уже то] не пристало женщине [чтобы] покидать дом», подтверждается тем фактом, что при печальном известии о поражении афинян при Херонее афинские женщины не отважились покинуть свои дома (Ликург, Леократ, 40), и, стоя на пороге почти без чувств от горя, они справлялись о своих мужьях, отцах и братьях, однако даже это посчиталось недостойным их и их города.

И в самом деле, из отрывка в «Гиперидах» можно заключить, что женщине не разрешалось покидать дом до той поры, пока встретивший ее мужчина не спрашивал о том [чья она жена, но только] – чья она мать. Поэтому и черепаха, на которой покоилась нога статуи Афродиты Урании Фидия в Элиде, считалась символом удела женщины, проводившей жизнь в тесных границах своего дома. «Незамужние девушки в особенности должны быть охраняемы, а домашнее хозяйство – удел женщин замужних». Во всяком случае, правила приличия предписывали женщине показываться на людях только в сопровождении гюнайконома, которым обычно было доверенное лицо из челяди мужского пола, или в сопровождении рабыни. Особенно трогательно, что даже Солон (*Плутарх*. Солон, 21) счел необходимым оговорить это обстоятельство в законе, который гласил, что женщина, появляющаяся на похоронах или празднествах, «не может носить более трех видов одежды; не может иметь при себе более одного обола, чтобы купить хлеба и питье», что в ночное время может появляться на улице лишь в носилках с зажженными факелами. Этот обычай сохранялся еще и во времена Плутарха. Однако Солон, еще в древности названный мудрым, конечно же знал, что то, что он имел в виду в столь маловажных законах, – это в сущности лишь утверждение мужского приоритета, который господствовал в культуре античности.

Было бы нелепо утверждать, что такие и подобные им правила одинаково действовали повсюду на территории Греции; нашей задачей было лишь представить общую картину в широких рамках, поскольку мы рассматриваем Грецию как некое территориальное целое, объединенное общим языком и обычаями, и не занимаемся подробным разбирательством различий в каждом отдельном случае, обусловленном особым временем и местом.

Когда Еврипид (Андромаха, 925) настоятельно рекомендует, чтобы женатые мужчины не разрешали своим женам встречаться с другими женщинами, поскольку те «учат их всему дурному», он, конечно, не одинок в своем мнении, однако на практике все было иначе. Мы, например, знаем, что женщины без сопровождения своих мужей посещали мастерскую Фидия и двор Пирилампа, друга Перикла (*Плутарх*. Перикл, 13), чтобы полюбоваться великолепными павлинами. Если женщины приветствовали Перикла после его надгробной речи и осыпали его цветами, из этого следует, что упомянутое уже нарушение приличий, вызванное известием об исходе Херонейского сражения, связано лишь с тем обстоятельством, что они спрашивали у прохожих дорогу поздней ночью, а не с тем, что им запрещалось покидать порог дома.

Здесь, как верно говорит пословица, противоположности сходятся. Многие держали жен в так называемых гюнайконитах (женских комнатах), которые хорошо охранялись и закрывались, а на пороге женской половины держали молосских псов, и наоборот, в соответствии с

Геродотом, в Лидии не считалось зазорным, если девушки расплачивались за одежды своим телом. Если спартанские девушки носили одежды, отвергавшиеся в остальной Греции, с разрезом до бедер, которые обнажались при ходьбе, то в Афинах, согласно Аристофану, даже замужние женщины должны были содержаться во внутренних покоях, чтобы проходящие мимо мужчины не могли их случайно увидеть в окне.

Как уже утверждалось, затворничество греческих женщин способствовало простоте их характера и узости кругозора, подтверждение чему можно встретить в анекдотах и байках вроде той, в которой речь идет о жене царя Гиерона (*Плутарх. О пользе врагов*, 7). Когда какой-то недоброжелатель высмеял его за плохой запах изо рта, царь в гневе прибежал домой и спросил жену, почему она не указала на этот его недостаток. Жена, говорят, ответила, как и подобает честной и скромной жене: «Я думала, так пахнут все мужчины». Можно было привести несколько подобных анекдотов, однако вряд ли стоит воспринимать их серьезно, поскольку греки любили анекдоты, и, кроме того, они высоко чтили своих жен и ценили в них не только сексуальную и детородную функции. Одного мы не найдем в греческих мужчинах – того, что называют «галантностью». В Древней Греции не существовало разницы между словами «женщина» и «жена». У них «гюне» означало женщину безотносительно к возрасту, не важно, замужняя она или нет; и не было разницы, когда «гюнай» (женщинами) называли и царицу, и простолюдинку. В то же время в лингвистическом смысле это слово означает «та, которая рождает детей», и сама этимология показывает, что в женщине греки более всего почитали мать своих детей. Только в римский период появляется слово *domina* (госпожа) как обращение к женщине из правящего дома (отсюда французское слово «дама»). Греки оставили слово *despoina* (то же значение, что и «госпожа») для обращения к женщинам высокого ранга – женам царей, не применяя его к обычным женщинам, хотя в своем собственном доме женщина царила безраздельно и правила домашним хозяйством, будучи в истинном смысле слова госпожой, как это точно отобразил Платон в известном отрывке из «Законов».

Греки делили женщин на три категории, и, конечно, тем, кто не занимался флиртом, отдавалось предпочтение, как следует из речи против Неэры: «У нас есть куртизанки для развлечений, любовницы для ежедневного пользования и замужние, чтобы рожать нам детей и вести хозяйство».

Положение любовниц было разным. Нам известны женщины, являвшиеся полной собственностью хозяина, который мог даже продать их, например, в публичный дом; в законе, о котором говорит Демосфен, мать, жена, сестра, дочь, любовница перечисляются одной строкой, из чего можно сделать вывод, что отношения между мужчиной и его любовницей могли быть похожими на отношения между мужем и женой. Кроме того, только в героический век, описанный Гомером, обладание одной или несколькими наложницами было делом обычным, во всяком случае среди знати. В историческое время допустимость подобных отношений можно оспорить; в самом деле, многие факты говорят об этом, и, возможно, только в критических ситуациях (таких, как сокращение населения вследствие войны или мора) любовница могла занимать такое же место, как и жена, чтобы производить на свет потомство.

То, что мужчины обзаводились женами в основном, чтобы иметь потомство, следовало из официальной формулы обручения «для получения законнорожденных потомков» и открыто признавалось несколькими греческими авторами (*Ксенофонт. Меморабилия*, ii, 2, 4; *Демосфен. Формион*, 30). В Спарте пошли еще дальше: «Муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим». Следует согласиться с Плутархом, когда он сравнивает спартанские обычаи использовать для случки сук и кобылиц припускных самцов, главное – получить здоровое и крепкое потомство. В другом месте он рассказывает о некоем Полиагне, который был сводником для своей жены, за что был высмеян в комедии, поскольку держал козла, который принес ему много денег.

Также был хитрым сводником широко известный, благодаря речи против Неэры, некий Стефан, который заманивал богатых чужестранцев, пользуясь чарами своей молодой жены. Если незнакомец попадался на эту уловку, Стефан знал, как устроить, чтобы застать парочку в компрометирующей ситуации, после чего требовал значительную сумму от молодого человека, который был пойман на месте преступления *in flagrante delicto*. Таким же образом он сводничал, используя свою дочь: от некоего Эпенета, которого застал с ней в постели, он получил 30 мин. Мы нередко находим подобные ситуации в античной литературе, и таких случаев, о которых не упоминают пишущие авторы, должно быть, было немало. То, что застигнутые врасплох любовники предпочитали дать откупного, объясняется тем, что в подобных случаях закон обязывал их уплатить большой штраф за соблазнение замужней женщины или девушки безукоризненной репутации. Об этих штрафах мы поговорим позже.

В таком месте, как Афины, да и в остальной Греции, брак, по крайней мере если верить Платону, считался исполнением обязательства перед богами; гражданин должен был оставить после себя детей, которые поклонялись бы тем же богам. Также считалось моральным обязательством способствовать процветанию государства, поставляя для него новое поколение граждан. Вообще-то мы не располагаем подтвержденной информацией о законах, которые бы вменяли брак в обязанность гражданина, как это было в Спарте; Солон, говорят, отказался ввести такие законы со словами, что это не согласуется с его взглядами на отношения полов и что женщина не должна быть мертвым грузом в жизни мужчины. Если Платон поднимает брак на уровень требований закона и хочет, чтобы холостой мужчина расплачивался за безбрачие денежным штрафом и потерей гражданских прав, он принимает, как он это часто делает в «Законах», сторону спартанцев, у которых не только неженатый, но и поздно женившийся должен нести наказание, равно как и те, кто заключил худой брак, в результате которого на свет появились неполноценные дети, или такой брак, который оказался бездетным, – эти должны наказываться особенно сурово. Закон, в соответствии с которым законодатель Ликург вводит наказание для холостяков, предусматривал следующее: «Их не пускали на гимнопедии; зимою, по приказу властей, они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор (в песне говорится, что они терпят справедливое возмездие за неповиновение законам), и, наконец, они были лишены тех почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим»¹².

Когда некий юноша не встал при появлении знаменитого, но холостого спартанского полководца Деркиллида и непочтительно произнес «ты не произвел на свет никого, кто позже уступил бы место мне», то его поведение получило всеобщее одобрение. Подобные наказания и унижения, кажется, не возымели особого действия в Спарте; количество неженатых мужчин в Греции было достаточно велико по разным причинам: многие не желали вступать в брак, то ли стремясь к спокойной жизни, не обремененной заботами о жене и детях, то ли по причине естественного неприятия женщин. В этом смысле характерен разговор Периплектомена с Палестрионом в «Хвастливом воине» Плавта:

Периплектомен

Милостью богов, принять чем гостя, у меня все есть,
Ешь и пей со мною вместе, душу весели свою,
Дом свободен, я свободен и хочу свободно жить.
Волею богов богат я, можно б и жену себе
Из хорошего взять роду и с приданым, только вот
Нет охоты в дом пустить свой бабищу сварливую.

¹² Пер. С.П. Маркиша.

П л е в с и к л

Почему не хочешь? Дело милое – детей иметь.

П е р и п л е к т о м е н

А свободным самому быть – это и того милей.

П а л е с т р и о н

Ты – мудрец, и о другом и о себе подумаешь.

П е р и п л е к т о м е н

Хорошо жену ввести бы добрую, коль где-нибудь
Отыскать ее возможно. А к чему такую брать,
Что не скажет: «Друг, купи мне шерсти, плащ сотку тебе.
Мягкий, теплый, для зимы же – тунику хорошую,
Чтоб зимой тебе не мерзнуть!» Никогда не слыхивать
От жены такого слова! Нет! Но прежде чем петух
Закричит, она с постели поднялась уж, скажет так:
«Муж! Для матери подарок подавай мне в Новый год,
Да давай на угощение, да давай в Минервин день
Для гадалки-обиралки, жрицы и пророчицы».
И беда, коли не дашь им: поведет бровями так!
Без подарка не отпустишь также гофрировщицу;
Ничего не получивши, сердится гладильщица,
Жалоба от повивальной бабки: мало дали ей!
«Как! Кормилице не хочешь вовсе дать, что возится
С рабскими ребятами?» Вот эти и подобные
Многочисленные траты женские мешают мне
Взять себе жену, чтоб петь мне эту песенку.

П а л е с т р и о н

Милость божия с тобою! Ведь свободу стоит раз
Потерять, не так-то просто возвратить назад ее!¹³

Если очень многие рассуждали примерно так, то, с другой стороны, известное количество молодых девушек в Греции представляло собой определенную группу, которая, благодаря вечной борьбе отдельных полисов между собой, уносившей жизни многих и порою лучших мужчин, оставалась не у дел. Можно себе представить, что женщины, никогда не познавшие брака, старые девы, не были редкостью в Греции, и если наши авторы не входят в детали относительно этого несчастного типа женщин, то только лишь потому, что в греческой литературе женщина вообще играет подчиненную роль, а тем более старая дева. Однако уже у Аристофана мы находим жалобу Лисистраты: «А у женщины бедной пора недолга, и, когда не возьмут ее к сроку, / Уж потом не польстится никто на нее, и старуха сидит и гадает»¹⁴.

Участь старой девы в некотором роде сходна с участью бездетного холостяка; в обоих случаях природа здесь не находит продолжения. Отсюда вполне естественно, что в Греции прибегали к помощи института усыновления довольно часто, кроме того, в те времена была

¹³ Пер. А. Артюшкова.

¹⁴ Пер. А.И. Пиотровского.

еще дополнительная причина усыновить ребенка, а именно желание оставить после себя кого-то, кто приносил бы жертвы и дары на родительские могилы.

Плутарх рассказывает, что по законам Ликурга в Спарте тщедушных и безобразных детей относили к обрыву на Таигете, считая, что их жизнь не нужна ни им самим, ни государству. Даже в Афинах это было делом не таким уж неслыханным, особенно это касалось девочек. Этих детей оставляли в больших глиняных сосудах, обычно так, чтобы беспомощные малютки могли быть обнаружены и подобраны бездетными людьми или теми, кто очень любил детей. Нередки были и случаи продажи детей тем женщинам, которые не могли иметь детей, но не хотели терять мужей. Новая комедия, в которой сюжет о подмене детей присутствует постоянно, может служить подтверждением того, что такие случаи были довольно распространены. В качестве опознавательного знака таким детям обычно оставляли украшение или кольцо, чтобы позднее при соответствующих обстоятельствах они могли быть узнаны. Подобное узнавание сплошь и рядом происходит в комедиях.

Прежде чем перейти к описанию обряда бракосочетания в Греции, напомним читателю речь Исхмаха у Ксенофонта, обращенную к его молодой жене, в которой он с завидным простодушием объясняет ей ее обязанности. Суть этого наставления в том, что жена должна быть строга и трезвомысляща; она должна уметь изготовить одежду, быть знакома с тем, как правильно подготовить шерсть для прядения, а также отдавать слугам четкие распоряжения. Деньги и собственность, которые нажил муж, она должна беречь и тратить разумно. Главной ее обязанностью будет рожать и воспитывать детей; как пчелиная матка, должна она отдавать распоряжения рабам по их возможностям – мужчинам и женщинам, но и обязана следить за здоровьем и благосостоянием челяди. Она должна научить домашнюю челядь правильно выполнять их обязанности, руководя ими мудро и справедливо. Небольшой трактат Плутарха «Советы молодоженам» посвящен его недавно женившемуся другу и содержит удивительные наставления, которыми можно воспользоваться и в наши дни.

2. Свадебные обряды

Теперь давайте последуем за молодыми в брачные покои в день обручения. Греки раньше умели, да и теперь не разучились, заботиться о своей выгоде. Поэзия долгого обручения была им чужда; положение семьи и размер приданого были гораздо важнее личных качеств невесты. Однако было бы неверным полагать, что главным было богатое приданое; напротив, гораздо более важным считалось, чтобы семьи, насколько возможно, были относительно равны по положению. Поэтому отец девушки с небольшим приданым далеко не всегда был счастлив, если богатый жених пылал страстью к его бедной дочери, как, например, в комедии Плавта «Клад»:

Э в к л и о н

Вот что мне на ум приходит. Человек богатый ты
И влиятельный, равно как я – из бедняков бедняк.
Дочь вот за тебя я выдам (мне приходит в голову):
Ты – что бык, а я – что ослик. Нас ли запрягать вдвоем?
Груза не снести мне вровень, ослик в грязь упал, лежит:
Бык не обернется, точно ослика на свете нет.
Ты мне станешь недругом, и класс мой засмеет меня,
Стойла нет ни там, ни здесь мне, если так разлад пойдет.
Изорвут ослы зубами, принажмет рогами бык.

От ослов к быкам уйти мне – очень это риск большой¹⁵.

Маловероятно, что молодые люди часто видели друг друга до брака, и это следует из того факта, что Платон во избежание взаимного обмана говорит о необходимости более свободного общения между договаривающимися сторонами. В противном случае этого не стоило бы специально оговаривать¹⁶. Поэтому нетрудно представить, что порою муж скоро начинал воспринимать жену как тяжкие оковы, а молодая жена слишком быстро разочаровывалась в муже, как, например, сказано у Софокла: «Теперь я – ничто и покинута; часто наблюдала, что такова уж женская доля – мы становимся никому не нужными. Когда мы молоды, живя в отеческом доме, тогда мы счастливы и, не зная другой жизни, остаемся счастливыми. Но когда мы подрастаем и больше узнаем, нас отрывают от отчего дома и продают некоторых – чужестранцам, иных – варварам, других – в чужие дома. И все такие разные, после первой ночи мы утихомириваемся и думаем, что так и надо».

Говорят о законе природы, по которому женщина старится раньше мужчины, поэтому невеста должна быть гораздо моложе жениха. Как говорит Еврипид: «В корне неверно соединять брачными узами молодых людей одного возраста; ведь крепость мужчины длится дольше, а красота женщины столь быстро увядает».

Поэтому, если отец не сумел вовремя подыскать дочери мужа, он обращался к женщинам, которые занимались поисками подходящего кандидата и которые назывались *promnestriae* или *promnestrides*. Упоминания о таких женщинах мы находим у Плавта и Ксенофонта. Главной их задачей было прилюдно расхваливать замечательные качества девушки.

Из замечаний Плавта следует, что это ремесло имело не самую добрую репутацию и порою оборачивалось сводничеством. В «Колдуньях», прекрасной второй идиллии Феокрита, девушка, восплавленная любовью, посылает такую женщину привести к ней в дом прекрасного Дельфиса, в которого она влюблена и который, остыв к ней, сделал ее несчастной. «Чести жены мне не дав и девической чести лишивши», – говорит она о возлюбленном¹⁷.

Если же с посторонней помощью или без оной подходящий молодой человек находился, могла состояться свадьба. Под этим актом гражданского права мы должны понимать лишь публичную договоренность обеих сторон, согласных вступить в брак, – эта церемония подтверждала законность брачного союза. Как правило, в это же время оговаривался и размер приданого. В этих случаях иногда бывало так, что добросердечные люди предоставляли приданое дочерям или сестрам тех, кто не имел средств, или же дочери неимущих, но достойных граждан получали приданое от государства; например, мы знаем, что обе дочери Аристиды получили по 3000 драхм каждая. Вряд ли стоит говорить, что приданое помимо денег содержало также белье, одежду, посуду, домашнюю утварь и мебель; сюда же входили и рабы. Закон Солона гласит: «Брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь» (*Плутарх. Солон*, 20)¹⁸. Этот закон, как и множество других, видимо, существовал, что называется, на бумаге, хотя Платон выдвигает такое же требование. Кроме того, этот закон мог появиться как реакция на истинное положение вещей, поскольку, как верно заметил Плутарх в «Аматории», гораздо лучше носить оковы, чем быть рабом, включенным в приданое жены, а дальше он предостерегал от женитьбы на слишком богатой невесте.

¹⁵ Пер. А. Артюшкова.

¹⁶ В «Законах» (vi, 771) Платон даже требует, чтобы молодые люди перед свадьбой имели возможность увидеть друг друга нагими, насколько это позволяли приличия. Возможно, в отдельных случаях так и происходило, однако вряд ли было повсеместным обычаем.

¹⁷ Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

¹⁸ Пер. С.И. Соболевского.

Когда с формальностями было покончено, собирался праздник на территории свекра, о чем можно прочитать в превосходном отрывке Пиндара (Олимпийские песни, vii, 1): «Как чашу, кипящую виноградной росой, / Из щедрых рук приемлет отец / И, пригубив, / Молодому зятю передает из дома в дом / Чистое золото лучшего своего добра / Во славу пира и во славу сватовства / На зависть друзьям, / Ревнующим о ложе согласия, – / Так и я / Текучий мой нектар, даренье Муз, / Сладостный плод сердца моего / Шлю к возлиянью / Мужам-победителям, / Венчанным в Олимпии, венчанным у Пифона»¹⁹.

Впрочем, такое семейное торжество в Греции не было общепринятым.

У нескольких авторов мы читаем, что зима – наилучшее время года для вступления в брак, хотя при этом не дается никакого объяснения; и в самом деле, первый месяц года носит название Гамелион от слова гамос (свадьба); также существовало поверье, что для свадебного обряда не годится время при слабой луне.

Перед надлежащим свадебным обрядом соблюдались определенные ритуалы, среди которых, естественно, жертвоприношение богам, охраняющим брачный союз, в особенности Гере и Зевсу; печень никогда не приносили в жертву, поскольку брак должен быть свободен от «желчи и гнева». Перед вступлением в брак также обращались к Афине, Артемиде и другим богам; как правило, в самый день свадьбы предлагали дары Афродите, а в маленьком городке Феспях в Беотии существовал красивый обряд, когда молодожены вместе шли в храм Эрота, чтобы получить благословение на брак перед величественной статуей Эроса работы Праксителя. Во многих местах невеста приносила на алтарь прядь волос или пояс, а то и оба эти предмета, причем подношение волос было знаком прощания с юностью, а пояса – отказа от девственности.

Жертвоприношению предшествовало или следовало за ним купание невесты, воду для которого приносил соседский юноша из ключа или реки, причем не из каких попало: в Афинах это был ключ Каллирои, а в Фивах – река Исмен. В так называемом десятом письме Эсхина мы читаем: «В области Троады существует обычай: невесты идут к Скамандру и омываются в нем, по обычаю приговаривая: «Забери, Скамандр, мою девственность». Зная о таком наивном обряде, некий юноша, притворившись богом реки Скамандр, в буквальном смысле исполнил просьбу девушки, лишив ее невинности. Через четыре дня, когда молодые шествовали в свадебной процессии к храму Афродиты, она увидела в толпе этого молодого человека и в чрезвычайном волнении закричала: «Вот бог реки Скамандр, которому я отдала свою девственность!» Чтобы ее успокоить, ей сказали, что такой же случай произошел и на реке Мэандр в Магнесии». Этот факт интересен для истории культуры, поскольку позволяет предположить, что обычай купания невесты в реке накануне свадьбы у всех на глазах существовал во многих местах.

Мы помним, что в примитивных обществах невесту выкрадывали с помощью обряда, который сохранялся еще и в Спарте. Умыкание невесты проводилось на глазах у всех, поскольку ее отец и мать извещались об этом заранее. Плутарх дает нам полный рассказ: «Невест брали уводом, но не слишком юных, а цветущих и созревших. Похищенную принимала так называемая подружка, коротко стригла ей волосы и, нарядив в мужской плащ и обув на ноги сандалии, укладывала одну на подстилке из листьев в темной комнате. Жених, не пьяный, не размякший, но трезвый и как всегда пообедавший за общим столом, входил, распускал ей пояс и, взявши на руки, переносил на ложе. Пробыв с ней недолгое время, он скромно удалялся, чтобы, по обыкновению, лечь спать с прочими юношами. И впредь он поступал не иначе, проводя день и отдыхая среди сверстников, а к молодой жене навещаясь тайно, с опаскою, как бы кто-нибудь в доме его не увидел. Со своей стороны женщина прилагала усилия к тому, чтобы они могли сходиться, улучив минуту, никем не замеченные. Так тянулось

¹⁹ Пер. М.Л. Гаспарова.

довольно долго: у иных уже дети рождались, а муж все еще не видел жены при дневном свете. Такая связь была не только упражнением в воздержанности и здравомыслии – тело благодаря ей всегда испытывало готовность к соитию, страсть оставалась новой и свежей, не пресыщенной и не ослабленной беспрепятственными встречами; молодые люди всякий раз оставляли друг в друге какую-то искру вожделения»²⁰.

Если обычай, описанный Плутархом, должно рассматривать как специфический дорийский, то свадебное застолье было распространено по всей Греции. Оно, как правило, происходило в доме отца невесты. Хотя женщины не приглашались на мужские застолья, однако они допускались к свадебным пиршествам, разумеется, за отдельными столами. Расходы на праздничное угощение и развлечения были, конечно, различными, в соответствии с временем и местом. Сладости из кунжута, которые, если верить Менандру, способствовали плодovitости, были обычным угощением. Символическое значение имело также и то, что во время пиршества красивый обнаженный мальчик, украшенный листьями боярышника и дуба, обносил гостей блюдами со сладостями, предлагая их каждому и при этом распевая: «Я убежал от зла и нашел нечто лучшее».

После застолья, на котором, естественно, произносились здравицы и пожелания здоровья, невесту увозили в повозке, запряженной быками, мулами или лошадьми, в дом жениха. Она восседала между женихом и парохом – его лучшим другом или ближайшим родственником. Обычай запрягать в свадебный кортеж быков объясняется в мифе, который передает Павсаний (ix, 3): «Говорят, что Гера, рассердившись за что-то на Зевса, удалилась в Эвбею. Так как Зевс никак не мог убедить ее вернуться, он, говорят, обратился за помощью к Киферону, бывшему тогда царем в Платеях; считалось, что Киферон никому не уступает в мудрости. И вот он велел Зевсу сделать деревянное изображение и, закрыв его одеждой и покрывалом, везти на паре быков и говорить, будто он везет себе в жены Платею, дочь Асопа. Зевс поступил по совету Киферона. Как только Гера услышала об этом, она немедленно явилась сюда. Когда же она приблизилась к повозке и сорвала со статуи одежду, она обрадовалась этому обману, найдя деревянный обрубок вместо живой невесты, и помирилась с Зевсом»²¹.

После прибытия невесты в дом жениха ось повозки иногда сжигали (например, в Беотии). Это было знаком того, что невеста никогда не покинет дом мужа.

В том случае, когда женился вдовец, он не участвовал в свадебной процессии, но дома ожидал невесту, которую ему привозил друг, теперь называясь не парохом, а нимфагогом. Свадебные факелы были необходимым элементом в свадебной процессии; их зажигали матери невесты и жениха и несли те, кто пешком сопровождал процессию. Все участники процессии были празднично украшены, о чем мы могли бы только догадываться, учитывая стремление греков к красоте, если бы это не описал Гомер. Одежды новобрачных были, как правило, разноцветными, а жених был не в черном, как в наше время, но в белом одеянии из тончайшей шерсти, как и все сопровождавшие шествие. Невесту и жениха украшали венками и разноцветными лентами (*taeniae*); невеста была умащена благовониями, а с ее головы ниспадала фата.

На улице прохожие выкрикивали поздравления и приветствия свадебной процессии, сопровождавшейся звуками флейт, а участники шествия пели свадебную песнь, обращаясь к богу новобрачных Гименею.

Гименей упоминается уже Гомером; свадебное шествие представлено на щите Ахилла. «Они ведут невесту по улицам города в ярком блеске факелов; громко звучит свадебная песнь, молодежь кружится в танце, и над ними парит музыка лир и флейт; женщины выходят к порогу и наблюдают за шествием».

²⁰ Пер. С.И. Соболевского.

²¹ Пер. С.П. Кондратьева.

Гименеи также распевает в процессии, изображенной на щите Геракла и в деталях описанной Гесиодом. Возможно, Гесиод сам сочинил эпиграмму на свадьбу Пелея и Фетиды, из которой Цец цитирует две строчки, где Пелей обращается к божественной невесте, которая досталась ему по жребию. Но больше мы ничего не знаем о содержании этого гимenea. Песни такого рода были художественно обработаны и введены в литературу Алкманом во второй половине VII в. до н. э. Он поднял этот поэтический жанр на высочайший уровень, во всяком случае Леонид Тарентийский называет его «поющим лебедем свадебных песен». Дальнейшее развитие этих песен связано с именем Стесихора (ок. 640–555 гг. до н. э.), которому приписывают авторство эпиграммы Елене. Однако мы не можем утверждать со всей уверенностью, что именно Стесихор был автором этой эпиграммы.

Таким образом, древнейшая из греческих свадебных песен до нас не дошла, осталось лишь упоминание о ней. У нас нет никакой информации и о ее содержании, – от эпиграммы Сапфо, которая достигла в своей поэзии высочайшего уровня, сохранились лишь отдельные фрагменты. Это тем более печально, что, по свидетельству самих древних, именно в эпиграммах она достигла наивысшего совершенства; очень эмоционально рассказывает об этом стихотворении Сапфо Гимерий: «Она входит в опочивальню готовить ложе для новобрачной, восхваляет красоту девушек, заставляет Афродиту, сидящую вместе с Эротом в колеснице граций, сойти с небес на землю и начать любовную игру; она обвивает волосы невесты цветущим гиацинтом, слегка колеблющимся на висках невесты, – это забава ветров, – а Эрот с золотыми крыльями управляет колесницей, размахивая свадебным факелом».

Эти сцены относятся к содержанию эпиграммы Сапфо, которую Гимерий характеризует как «лирическую драму, которая в таком виде поделена на несколько сцен и в которой эпизоды, относящиеся к бракосочетанию, представлены в песенных размерах, ритмически подчеркивающих содержание».

В античности был обычай, когда супруг самостоятельно украшал брачные покои в соответствии с собственной фантазией. Одиссей по возвращении напоминает жене о своих секретах украшения брачных покоев, этим рассеивая ее последние сомнения относительно того, что он – ее муж, которого после столь долгого отсутствия считали мертвым. По тому, какое значение придавали украшению брачных покоев, мы можем предположить, что следующие строки являются началом эпиграммы Сапфо: «Украшайте, слуги, брачные покои! О, Гименей! Жених уже рядом, прекрасный, как Арес! Нет, он выступает величавее величавых, высок и прекрасен».

Воспользуемся реконструкцией, чтобы поприсутствовать на такой свадьбе.

После призыва убрать ложе новобрачных цветами юноши и девушки препровождались для участия в празднестве, во славу которого из-за красоты невесты и необычных достоинств жениха сама богиня любви сходила с небес на землю, сияя красотой, в сопровождении очаровательных граций, как мы уже знаем со слов Гимерия. Призыв услышан. Крепкие и стройные друзья жениха и цветущие подружки невесты уже собрались в ее ярко освещенном и празднично украшенном доме, поджидая прибытия невесты на торжество, уже повсюду слышались сколия (застольные песни) и звон бокалов. Наступает ночь, уже зажигаются светильники, и, наконец, слышны звуки старинной, но вечной песни «О, Гименей!». Шумная взволнованная толпа, знакомая нам по Гомеру и Гесиоду, сопровождает невесту, восседающую на повозке, в дом жениха, и уже мужчины и женщины разделились на две группы, подзадоривая друг друга исполнением веселых песен, а высоко в небе зажглась звезда любви Веспер. Жених, изнемогая от нетерпения, слегка взволнован при ее появлении. Сначала к нему обращаются девушки с жалобами. Далее следуют стихи Катулла:

Веспер! Жесточе тебя несется ли в небе светило?
Можешь девушку ты из объятий матери вырвать,

Вырвать у матери вдруг ты можешь смущенную дочку,
Чистую деву отдать горящему юноше можешь.
Так ли жестоко и враг ведет себя в граде плененном?
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!²²

Но вот уже юноши встали, чтобы ответить. Сейчас запоют. Нужна им победа. Вот уже слышна их песня:

Веспер! Какая звезда возвещает нам большее счастье?
Брачные светом своим ты смертных скрепляешь союзы, —
Что порешили мужи, порешили родители раньше.
Плачутся девушки пусть и притворно тебя упрекают,
В чем упрекают тебя, не жаждут ли девушки тайно?
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Продолжается песенное состязание. Теперь спорят о том, чья доля лучше и кто более достоин признания: юные девушки или замужние женщины. Девушки видят во множестве обязанностей по дому лишь труды и заботы:

Скромно незримый цветок за садовой взрастает оградой.
Он неизвестен стадам, не бывал он плугом встревожен;
Нежат его ветерки, и росы питают и солнце,
Юношам многим он люб, он люб и девушкам многим.
Но лишь завянет цветок, подрезанный тоненьким ногтем,
Юношам он уж не люб, и девушкам боле не люб он.
Девушка также: доколь не тронута, все ее любят.
Но лишь невинности цвет оскверненное тело утратит,
Юношей больше она не влечет, не мила и подругам.
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену.

Теперь молодые люди описывают преимущества молодой жены перед юной девушкой:

Если на поле пустом родится лоза одиноко,
Сил не имея расти, наливать созревшие гроздья,
Юное тело свое сгибая под собственным весом,
Так что верхушка ее до самых корней ниспадает,
Ни садовод, ни пастух о лозе не заботится дикой.
Но коль случайно сплелась она с покровителем-вязом,
И садовод, и пастух о лозе заботиться станут.
Девушка также, храня свое девство, стареет бесплодно.
Но если в брак она вступит, когда подойдет ее время,
Мужу дороже она и меньше родителям в тягость²³.

Примерно таким образом оценивается в песнях положение юной девушки и замужней женщины; кто выходит победителем, ясно. Тем временем прибывает повозка с женихом, который должен увезти невесту в свой дом. Он сопровождает ее в празднично украшенные покои,

²² Пер. М.Л. Гаспарова.

²³ Пер. М.Л. Гаспарова.

сияющие светом факелов; со всех сторон раздаются приветственные хоры: «Хвала тебе, невеста! Хвала тебе, жених!» Они садятся рядом, и начинается новое песенное соревнование. Сначала юноши славят невесту: «Она подобна цветущей розе, ее красота сияет ярче золотого блеска, сравнимая лишь с золотой Афродитой, голос ее слаще звуков лиры; лик ее подобен нежному цветку». Эти пять строк сохранились из эпиталамы Сапфо.

Подобная расцветшей розе невеста до поры оставалась чистой и непорочной; никто не осмеливался коснуться ее даже кончиком пальцев. Но теперь он приближается к ней, он, который сумел ее завоевать. Естественно, он достоин высшей награды. Он не просто молод и прекрасен, он могуч и смел; девушки могут сравнить его с Ахиллом – вечным идеалом цветущей силы героя. Оба достойны друг друга; соревнующиеся заключают мир, скрепленный печатью брака, и теперь уже в доме жениха начинается свадебное застолье. Для благословения брачующихся призывается Афродита: «Приди, о Киприда, смешай и наполни для нас кубки нектаром для пира, приди, наполни наши кубки». Мы уже знаем, что в этих случаях она нисходит на землю в сопровождении прекрасного Эрота и трех граций.

Остальные боги не сходятся на торжество, но они наполняют кубки за молодых в местах пребывания богов. Именно такой рисует картину веселящихся богов специальный гость, который поет о том, что он видит, как боги на небесах пьют за здоровье молодых: «Кувшин наполнен амброзией; Гермес обносит ею собравшихся на пир, и каждый желает молодым блага и здоровья в совместной жизни».

Так за песнями и застольем проходит время, ночь становится все темнее и темнее. Долгожданный час настал. Жених встает, обнимает сопротивляющуюся из скромности невесту и по обычаю героического века, схватив ее, несет на руках бесценную ношу, однако игра продолжается: за ним следует статный могучий юноша из близких друзей жениха, который пробивает молодым путь в опочивальню. Вход в нее заслоняет не только толпа подруг невесты, но и разбойного вида молодец, появившийся внезапно и с наигранно устрашающим видом пытающийся вырвать невесту из рук похитившего ее жениха; но они так же бессильны перед ним, как цыплята перед ястребом, схватившим в когти одного из них. Когда обессиленные жених с невестой проникают в опочивальню, дверь захлопывается; теперь они слышат, как жених закрывает тяжелую дверь и начинает их поддразнивать: «Сюда, сюда, здесь девушек довольно!» – а перед закрытой дверью преданный защитник становится в позу бойца, не намереваясь уступить в шуточной борьбе с «крепкими шлюхами».

Однако девушки ему не повинуются, зная его слабую сторону и умея его обойти. Вместо того чтобы держать дверь с той стороны, которую он без труда одолеет, они поют шутивную песню примерно следующего содержания: «Нога в семь мер у державшего дверь, пять бычьих шкур пошло на подошву его сандалий и десять сапожников мастерили его обувь».

Еще продолжают шутки, остаются последние поздравления, пожелания, прощальные речи, обращенные к невесте, которая, войдя в опочивальню, становится уже «хозяйкой дома». Девушки образуют круг и поют свадебную песнь, собственно эпиталаму, которой завершается вся церемония, даже если на следующий день молодых вновь встретит утренняя песнь, и этим закончатся свадебные развлечения.

До наших дней дошли несколько эпиталам, хотя и не самых древних, однако блестяще переложенных в стихах Феокрита. Тем более ценно, что в этой идиллии объединяются темы эпиталамы Сапфо и Стесихора, поэтому мы приведем ее здесь как пример свадебной обрядовой песни.

После нескольких вводных строк начинается собственно эпиталама – песня, исполняемая перед дверью брачных покоев в честь вновь образованной пары молодоженов.

ЭПИТАЛАМА ЕЛЕНЕ

(Восемнадцатая идиллия Феокрита)

Некогда в Спарте, придя к белокурому в дом Менелая,
Девушки, кудри украсив свои гиацинтом цветущим,
Стали, сомкнувши свой круг, перед новой расписанной
спальней
Лучшие девушки края Лаконского, счетом двенадцать.
В день этот в спальню вошел с Тиндареевой дочерью милой
Взявший Елену женой юнейший Атрея наследник.
Девушки в общий напев голоса свои слили, по счету
В пол ударяя, и вторил весь дом этой свадебной песне.
«Что ж ты так рано улегся, любезный наш новобрачный?
Может быть, ты лежебок? Иль, может быть, ты соней
родился?
Может быть, лишнее выпил, когда повалился на ложе?
Коли так рано ты спать захотел, мог бы спать в одиночку.
Девушке с матерью милой и между подруг веселиться
Дал бы до ранней зари – отныне, и завтра, и после,
Из года в год, Менелай, она будет женою твоею.
Счастлив, ты муж молодой! Кто-то добрый чихнул тебе
в пользу
В час, когда в Спарту ты прибыл, как много других,
но удачней.
Тестем один только ты называть будешь Зевса Кронида,
Зевсова дочь возлежит под одним покрывалом с тобою.
Нет меж ахейнок всех, попирающих землю, ей равной.
Чудо родится на свет, если будет дитя ей подобно.
Все мы ровесницы ей; мы в беге с ней состязались,
Возле Эвротских купален, как юноши, маслом натершись,
Нас шестьдесят на четыре – мы юная женская порось, —
Нет ни одной безупречной меж нас по сравнению с Еленой.
Словно сияющий лик всемогущей владычицы-ночи,

Словно приход лучезарной весны, что зиму прогоняет,
Так же меж всех нас подруг золотая сияла Елена.
Пышный хлебный урожай – украшение полей плодородных,
Гордость садов – кипарис, колесниц – фессалийские кони;
Слава же Лакедемона – с румяною кожей Елена.
Нет никого, кто б наполнил таким рукодельем корзины.
И не снимает никто из натянутых нитей основы
Ткани плотнее, челнок пропустив по сложным узорам,
Так, как Елена, в очах у которой все чары таятся.
Лучше никто не споет, ударяя искусно по струнам,
Ни Артемиде хвалу, ни Афине с могучею грудью.
Стала, прелестная дева, теперь ты женой и хозяйкой;
Мы на ристалище вновь, в цветущие пышно долины
Вместе пойдем и венки заплетать ароматные будем,
Часто тебя вспоминая, Елена; так крошки-ягнята,
Жалуясь, рвутся к сосцам своей матки, на свет
их родившей.

Первой тебе мы венок из клевера стеблей ползучих
Там заплетем и его на тенистом повесим платане;
Первой тебе мы из фляжки серебряной сладкое масло
Каплю за каплей нальем под тенистою сенью платана.
Врезана будет в коре по-дорийски там надпись, чтоб путник,
Мимо идя, прочитал: Поклонись мне, я древо Елен.
Счастлива будь, молодая! Будь счастлив ты,
муж новобрачный!
Пусть наградит вас Латона, Латона, что час посылает,
В чадах удачей; Киприда, богиня Киприда дарует
Счастье взаимной любви, а Кронид,
наш Кронид-повелитель,
Из роду в род благородный навеки вам даст процветанье.
Спите теперь друг у друга в объятьях, дышите любовью,
Страстью дышите, но все ж на заре не забудьте проснуться.
Мы возвратимся с рассветом, когда пробудится под утро
Первый певец, отряхнув свои пышные перья на шее.
Пусть же, Гимен, Гименей, этот брак тебе будет
на радость!»²⁴

Только представьте себе эту картину: в сопровождении песен подруг невесты и нежных напевов флейт молодая пара наслаждается радостями первой совместной ночи; а теперь подумайте, как деградировал этот обычай, когда брачную ночь зачастую проводят в прозаическом гостиничном номере. Неизвестный античный комментатор Феокрита, которому, видимо, чужды романтические представления, так «объясняет» этот удивительно красивый обычай пения эпиталамы: «Эпиталама исполнялась, чтобы ее звуки могли заглушить крики новобрачной в первую брачную ночь». Истинный поэт Пиндар определил этот обычай как «брачный хор в вечерних запевах девушек-подруг».

Однако даже сладостная брачная ночь, или, как красиво определяли ее греки, «ночь тайн», подходит к концу, поскольку смертному не дано, как Зевсу, отцу богов и людей, когда он возлежал с Алкменой, приказать солнцу не всходить в течение трех дней, так чтобы ночь длилась 72 часа. В такую ночь Зевс зачал Геракла (*Лукиан. Разговоры богов*, 10).

На следующее утро молодые просыпались под радостную песнь и принимали подарки от родственников. Новобрачная снимала свадебную фату, которую она посвящала Гере, покровительнице новобрачных. В этот день застолье продолжалось в доме отца жениха или в его собственном доме, но теперь уже женщины, а следовательно, и молодая жена, не принимали в нем участия, однако по обычаю блюда для этого застолья готовила молодая жена, впервые выказывая свое умение в приготовлении пищи. Смысл этого обычая прост. В брачную ночь муж исполнил супружеские обязанности, теперь же он принадлежал своим друзьям и родственникам, а жена должна была исполнять свои обязанности на кухне. Поскольку и это застолье сопровождалось многочисленными шутками и весельем, оно было завершением брачной церемонии, сюда приглашали как можно больше гостей в качестве участников.

3. Дополнительные сведения

Можно вкратце описать дальнейшую жизнь пары новобрачных. Теперь жена в основном оставалась в гюнеконитиде (на женской половине), под которой следует понимать все помеще-

²⁴ Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

ния подчиненного ей домашнего хозяйства. Отныне лишь спальня и гостиная были общими помещениями для супругов, при условии, что в доме не было гостей мужского пола. Теперь женщины не присутствовали при приеме пищи, если в доме собирались друзья мужа, и из этого никогда не делалось исключения, если только жена не хотела прослыть куртизанкой или женщиной легкомысленной. При таком подходе, как было принято думать, удовольствие от интеллектуальной застольной беседы стократ возрастало, и это ясно для каждого, кто когда-либо размышлял о характере разговора в присутствии дам и о том, сколько скабрёзных историй рассказывают мужчины друг другу, удаляясь в курительную комнату. Да, «галантность» была не знакома мужчине в Древней Греции, но зато он знал, как правильно наладить свое домашнее хозяйство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.